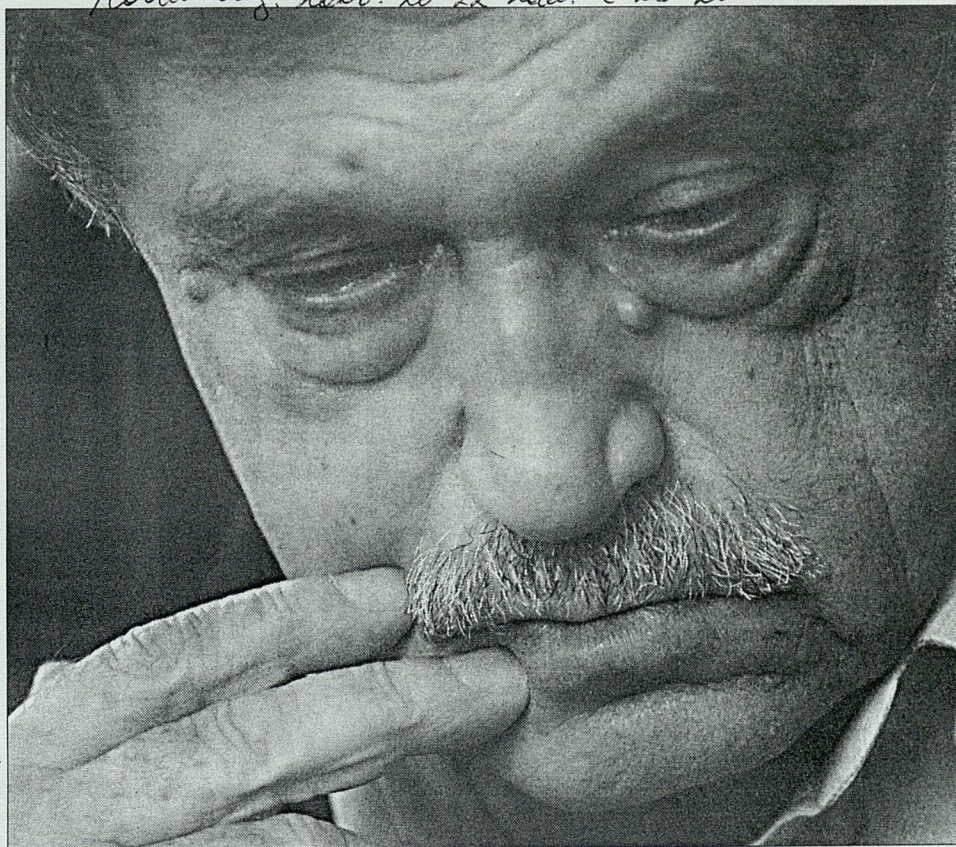

Прозаик, диссидент и шестидесятник Василий Аксенов наблюдает за происходящим в России или с американского континента, или из прибрежного Биаррица, или из окна сталинской высоты, выходящего на Кремль. Завершая роман о российской жизни последних лет, писатель не впадает в уныние. Напротив, он находит не один аргумент в пользу того, что жизнь в стране все-таки налаживается.

— Сегодня вам бывает за Россию стыдно?

— Вот сейчас стыдно из-за истории с Грузией. Кому-то дали зеленый светофор — тем, кто соскучился, очевидно, по своей работе допрашивать ночами. Но здесь и вину грузинского командира нельзя не замечать. Он вел себя не очень пристойно и вызвал кризис. Россия и Грузия — это две многонациональные империи; одна огромная, другая крошечная. Одна впадает в идиотизм, другая — в истерику.

Сергей КУЗНЕЦОВ — «Новая»

Василий АКСЕНОВ:

Идеальный президент? Пастернак

Писатель — о нынешнем состоянии страны

— Национализм, ксенофобия — это теперь для России признаки времени?

— Ну, это наше наследие. Ведь большинство наших сограждан происходит от той половины населения, что выполняла надзор за другой половиной населения, которая не дала большого приплода. Отсюда, возможно, и происходят идеи новой империи, мощи, этнической диктатуры. Конечно, и речи нет о повторении советского режима, но массы явно хотят чего-то не менее мощного. В последнее время на улицах города можно заметить протесты, пикеты по разным поводам. Выходят лимоновцы, которые уже совсем запутались, кто они: краснопузые или чернорубашечники... Молодежь явно тянет на улицу, тянет к активности, хотя сами люди не совсем понимают, за какие идеи борются.

— Так дело за малым: подбросить нужную идею. Сейчас вот всех пичкают лубочным патриотизмом.

— Да тот же патриотизм у нас существует не сам по себе, а в противовес западничеству. Антизападные идеи в современной России многим почему-то кажутся очень привлекательными. На них многие клюют. Мол, Запад разочаровал всех, правды в нем нет. Но никто не думает почему-то, что Россия разочаровала Запад. Я 24 года прожил в Америке и хорошо знаю настроения университетского общества. Мне многие тогда говорили: ну когда же все это кончится, мы просто мечтаем, чтобы

Россия влилась в семью западных народов. Была на Западе какая-то ностальгия по России. Но когда в России лед тронулся, стало ясно, что не так просто быть принятыми Западом. Там стереотип тупого советского человека быстро сменился стереотипом русской мафии или скрытого большевика. Нам не очень-то доверяют.

— А зачем нам стремиться на Запад?

— Если не примкнем к Западу, нам конец. Мы развалимся и как государство, и как этнос. А пока мы только носим: Америка — дерьмо, прагматика, духовная жизнь у них слабая. А у вас, что ли, сильная —

после уничтожения миллионов своих сограждан? В России действительно остался какой-то скрытый ментальный большевизм. Мы не хотим единения. Мы хотим быть самыми главными. Хотя не только мы нуждаемся в Западе, но и он в нас. Ему никуда не деться от необходимости прирастать в этническом смысле. Мы же белые, как ни крути. А пока они получают вместе с эмигрантами экстремистское мусульманство.

— Ну а почему мы делаем все, чтобы Запад от нас отвернулся?

— Здесь не совсем ясная ситуация складывается. С одной стороны, в обществе появляются антизападные настроения, как я уже сказал. С другой стороны, президент всюду все обещает, со всеми дружит. Он вроде бы совершенно не хочет отколоться от Запада. Я не уверен, что президент всегда волен делать то, что действительно хочет.

Мечта всей моей жизни — чтобы Россия стала обычным нормальным государством в рамках Европы, без болезненных амбиций. А они опять появляются. Кошмарные генералы заявляют: «Наша плав-единица одним залпом покрывает корабль НАТО!». Они другого ничего не знают вообще. Думают, что пуски ракет с Северного полюса должны наполнять нас гордостью. На самом деле просто тошнит. У нас армия жлобская, но, в общем, все армии — жлобские.

— Почему идея гражданского общества в России глохнет?

— У нас никто не знает, что такое гражданское общество. Все только говорят. В России демократией никогда и не пахло. То, что было в 90-х, несмотря на серьезные деформации, скорее напоминало анархию с бесконечными разборками, убийствами. Меня очень тревожит, что и сейчас эти симптомы возобновляются. В 1917 году демократия существовала всего полгода. Красные ненавидели либералов и демократов больше, чем царских чиновников.

(Окончание на стр. 26)

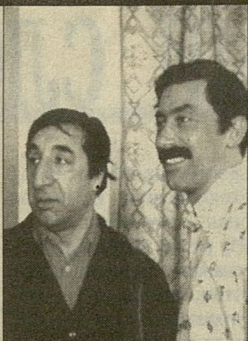
«Создается вертикаль, чтобы каждый знал, кому он подчиняется, чтобы был порядок. Только нужно помнить, что вертикаль эта может прорасти осиновым колом»

Аксенов

ациональности
героев «Мимино».
уже присмотрели...

26—27

СЛОЙ

• Станислав РАССАДИН
разговаривает с читателями
об интеллигенции
и власти 29

• ЦСКА — чемпион,
но чемпионата не было.
А что было? 31

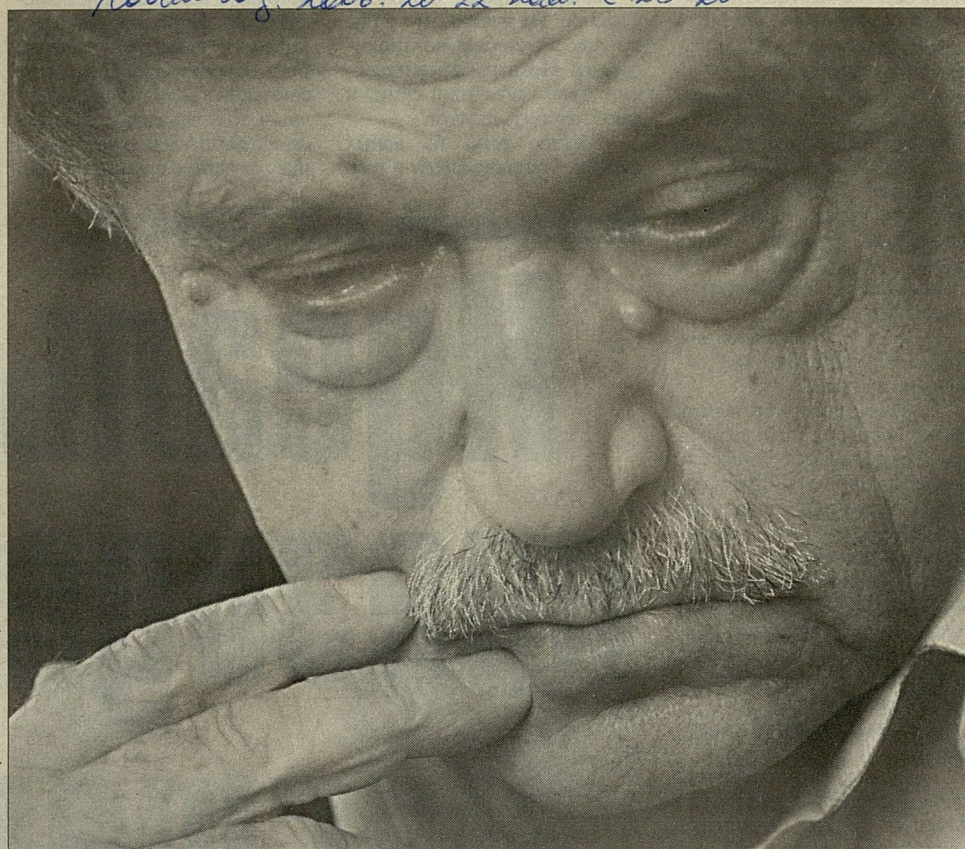
Новая волна - 2006 - 20-22 нояб. - с 25-26.

Прозаик, диссидент и шестидесятник Василий Аксенов наблюдает за происходящим в России или с американского континента, или из прибрежного Биаррица, или из окна сталинской высотки, выходящего на Кремль. Завершая роман о российской жизни последних лет, писатель не впадает в уныние. Напротив, он находит не один аргумент в пользу того, что жизнь в стране все-таки налаживается.

— Сегодня вам бывает за Россию стыдно?

— Вот сейчас стыдно из-за истории с Грузией. Кому-то дали зеленый светофор — тем, кто соскучился, очевидно, по своей работе допрашивать ночами. Но здесь и вину грузинского командира нельзя не замечать. Он вел себя не очень пристойно и вызвал кризис. Россия и Грузия — это две многонациональные империи; одна огромная, другая крошечная. Одна впадает в идиотизм, другая — в истерику.

Сергей КУЗНЕЦОВ — «Новая»

Василий АКСЕНОВ:

Идеальный президент? Пастернак

Писатель — о нынешнем состоянии страны

— Национализм, ксенофобия — это теперь для России признаки времени?

— Ну, это наше наследие. Ведь большинство наших сограждан происходит от той половины населения, что выполняла надзор за другой половиной населения, которая не дала большого приплода. Отсюда, возможно, и протекают идеи новой империи, моши, этнической диктатуры. Конечно, и речи нет о повторении советского режима, но массы явно хотят чего-то не менее мощного. В последнее время на улицах города можно заметить протесты, пикеты по разным поводам. Выходят лимоновцы, которые уже совсем запутались, кто они: краснопузые или чернорубашечники... Молодежь явно тянет на улицу, тянет к активности, хотя сами люди не совсем понимают, за какие идеи борются.

— Так дело за малым: подбросить нужную идею. Сейчас вот всех пичкают лубочным патриотизмом.

— Да тот же патриотизм у нас существует не сам по себе, а в противовес западничеству. Антизападные идеи в современной России многим почему-то кажутся очень привлекательными. На них многие клюют. Мол, Запад разочаровал всех, правды в нем нет. Но никто не думает почему-то, что Россия разочаровала Запад. Я 24 года прожил в Америке и хорошо знаю настроения университетского общества. Мне многие тогда говорили: ну когда же все это кончится, мы просто мечтаем, чтобы

Россия влилась в семью западных народов. Была на Западе какая-то ностальгия по России. Но когда в России лед тронулся, стало ясно, что не так просто быть принятыми Западом. Там стереотип тупого советского человека быстро сменился стереотипом русской мафии или скрытого большевика. Нам не очень-то доверяют.

— А зачем нам стремиться на Запад?

— Если не примкнем к Западу, нам конец. Мы развалимся и как государство, и как этнос. А пока мы только ноем: Америка — дерьмо, прагматики, духовная жизнь у них слабая. А у вас, что ли, сильная —

после уничтожения миллионов своих сограждан? В России действительно остался какой-то скрытый ментальный большевизм. Мы не хотим единения. Мы хотим быть самыми главными. Хотя не только мы нуждаемся в Западе, но и он в нас. Ему никуда не деться от необходимости прирастать в этническом смысле. Мы же белые, как ни крути. А пока они получают вместе с эмигрантами экстремистское мусульманство.

— Ну а почему мы делаем все, чтобы Запад от нас отвернулся?

— Здесь не совсем ясная ситуация складывается. С одной стороны, в обществе появляются антизападные настроения, как я уже сказал. С другой стороны, президент всюду все обещает, со всеми дружит. Он вроде бы совершенно не хочет отколоться от Запада. Я не уверен, что президент всегда волен делать то, что действительно хочет.

Мечта всей моей жизни — чтобы Россия стала обычным нормальным государством в рамках Европы, без болезненных амбиций. А они опять появляются. Кошмарные генералы заявляют: «Наша плав-единица одним залпом покрывает корабль НАТО!». Они другого ничего не знают вообще. Думают, что пуски ракет с Северного полюса должны наполнять нас гордостью. На самом деле просто тошнит. У нас армия жлобская, но, в общем, все армии — жлобские.

— Почему идея гражданского общества в России гложет?

— У нас никто не знает, что такое гражданское общество. Все только говорят. В России демократией никогда и не пахло. То, что было в 90-х, несмотря на серьезные деформации, скорее напоминало анархию с бесконечными разборками, убийствами. Меня очень тревожит, что и сейчас эти симптомы возобновляются. В 1917 году демократия существовала всего полгода. Красные ненавидели либералов и демократов больше, чем царских чиновников.

«Создается вертикаль, чтобы каждый знал, кому он подчиняется, чтобы был порядок. Только нужно помнить, что вертикаль эта может прорасти осиновым колом»

(Окончание на стр. 26)